
Я. С. ЛУРЬЕ

О возможности и необходимости при исследовании летописей

Справедливо ли начинать историю русского книгопечатания с изданий 50-х гг. XVI в.? Книгопечатание у западных славян возникает в середине XV в., а с начала XVI в. появляются первые западно-русские (белорусские) печатные издания. При тесных связях между Западной и Северо-Восточной Русью было бы естественно, если бы с конца XV или начала XVI в. книги стали печататься и в Москве. Книги эти не дошли до нас, но значит ли это, что их не существовало? Реакционные элементы в московском обществе препятствовали развитию книгопечатания — они вынудили Ивана Федорова покинуть Москву; они могли уничтожить и скрыть памятники раннего русского книгопечатания. Не забудем также о гибели письменных памятников и в ходе неприятельских нашествий, например при сожжении Москвы в 1571 г. и в 1610 г. Поэтому исчезновение русских первопечатных книг конца XV и первой половины XVI в. вполне возможно.

Следует ли также начинать историю русского театра с театра Алексея Михайловича, созданного немецким пастором Грегори? И тут мы можем предполагать существование более ранних памятников, погибших при многочисленных бедствиях, постигавших русскую книжность, и в результате борьбы со скоморошеством и светским искусством вообще.

Все эти предположения не лишены вероятия. И все же в существующих научных трудах история русского книгопечатания начинается с 50-х гг. XVI в., а история русского театра — с 1672 г. Возможность не есть еще реальная действительность; факты в филологической или исторической науке устанавливаются на основании показаний источников.

Однако определение достоверности источника и его ценности для того или иного конкретного исследования — задача не простая. Показания источника имеют значение свидетельских показаний; но всегда ли это современный и связанный с событиями свидетель? Там, где речь идет об отдаленных эпохах, исследователю постоянно приходится иметь дело с источниками, отражающими свой предмет не непосредственно, а через посредство иных, не доступных нам звеньев. Летописи, которыми мы пользуемся при изучении Древней Руси (и особенно Руси Киевской и вообще домосковской эпохи), часто не являются современными памятниками: они составлены позже описанных в них событий, а сохранившиеся рукописи, в которых они дошли, обычно относятся к еще более позднему времени. Так, даже древнейшая из доступных нам летописей «Повесть временных лет», составленная в начале XII в., дошла в рукописях не ранее конца XIV в. Аналогичный разрыв во времени существует и между другими летописными памятниками и их списками.

Но историк исходит не только из того, что исследуемый летописный источник обычно старше по времени его списка, дошедшего до нас. Он учи-

тывает, что и самый памятник не однороден по составу: в основе его лежат более ранние источники. Представление о летописи как о своде — собраниях разнородных по происхождению памятников — было высказано уже П. М. Строевым и К. Н. Бестужевым-Рюминым; исходя из наблюдений над всеми известными летописями (включая «Повесть временных лет»), А. А. Шахматов пришел к выводу, что в основе дошедших до нас сводов лежали чаще всего не отдельные сказания, а другие своды. Наиболее надежным путем для восстановления таких «основных сводов» было сравнение доступных нам летописей. Если текст двух сводов совпадает до определенной даты, то, вероятнее всего, в основе этих сводов лежит протограф — «основной свод», доведенный до соответствующей даты. Такой вывод, конечно, является гипотетическим, но это допущение иного характера, чем предположительное разложение свода на отдельные «сказания», к которому любили прибегать предшественники А. А. Шахматова. Совпадения между летописными сводами — объективная совокупность фактов, требующая объяснения. Предположение о протографе исследуемых сводов — это научная гипотеза, объясняющая данную совокупность явлений; исследователь, отвергающий такую гипотезу, должен предложить иное, альтернативное, решение, которое объяснит совпадение летописных текстов не хуже, а по возможности лучше, чем отвергнутая гипотеза. Предположение же о том, что то или иное летописное известие представляет собой запись, сделанную таким-то автором в такое-то время и в таком-то месте, — чаще всего догадка, основанная, как и высказанные выше предположения о существовании русского книгопечатания до середины XVI в. или театра до 1672 г., на простой возможности.¹ Разграничение этих двух типов предположительных суждений особенно важно при исследовании русского летописания.

1

Источник — единственная эмпирическая основа наших исторических знаний. До сих пор это положение не встречало возражений в нашей науке и могло считаться общепризнанным. Однако недавно была предпринята попытка — и притом весьма радикальная — пересмотреть этот важнейший тезис. В книге «Начальные этапы древнерусского летописания» А. Г. Кузьмин посвятил особый раздел, озаглавленный «Гносеология диалектического материализма и специальные дисциплины», опровержению мнения авторов, считающих источник эмпирической основой исторических знаний, а источниковедческие «вспомогательные исторические дисциплины» — эмпирической основой исторической науки.²

А. Г. Кузьмин объясняет такой взгляд выражением «негативного отношения к теории», «рафинированного позитивизма», «агностицизма» и даже «неверия в возможности человеческого мышления проникнуть в сущность явлений».³

¹ Подробнее см.: Я. С. Л у р ь е. О гипотезах и догадках в источниковедении. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977, с. 26—41.

² А. Г. Кузьмин не указывает, что такой взгляд на «вспомогательные исторические дисциплины» был высказан как раз тем историком, памяти которого он посвятил свою книгу, — М. Н. Тихомировым. Именно М. Н. Тихомиров говорил, что называть источниковедческие дисциплины «вспомогательными» недопустимо, ибо «на основании их определяется основа основ исторической науки: даются датировка и определение подлинности источников». (М. Н. Т и х о м и р о в. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — ВИ, 1961, № 4, с. 66—67).

³ А. Г. К у з ь м и н. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 14, 17 (далее в этом разделе ссылки на страницы книги А. Г. Кузьмина даются в скобках).

Как же опровергает А. Г. Кузьмин взгляд на источник как на основу исторических знаний? Он заявляет: «Источник не является даже единственной эмпирической основой знания, поскольку возможен еще эксперимент. С помощью эксперимента изучается первобытная техника, к эксперименту обращались при установлении места Ледового побоища, определении местонахождения Колумбова Сан-Сальвадора. Эксперимент помог В. Л. Янину рассчитать количество „вечников“ в Новгороде. Историк постоянно проводит мысленные эксперименты, стремясь наглядно представить ход событий» (с. 13). В дополнение к этим аргументам А. Г. Кузьмин ссылается еще на статью польского историка Е. Топольского «О роли внеисточникового знания в историческом исследовании» и заявляет, что «при обращении к любому источнику „внеисточниковое знание“ составляет несравнимо больший удельный вес, чем то знание, которое может быть получено из данного источника» (с. 15—16).

Аргументация А. Г. Кузьмина не подкрепляет его вывод. Прежде всего А. Г. Кузьмин не точен в самом определении «эксперимента» — эксперимент в естественных науках есть обоснование вывода путем искусственного воспроизведения объекта познания, организации особых условий его функционирования и т. д. В приводимых А. Г. Кузьминым примерах речь идет совсем об ином — о проверке определенных показаний источника с помощью простых наблюдений над теми природными объектами, которые в этом источнике упоминаются. Как было построено, например, исследование В. Л. Янина, на которое ссылается А. Г. Кузьмин? В основе этого исследования лежали именно показания источников: известия о том, что общегородское вече в Новгороде собиралось на «Ярославовом дворце», о «300 поясах», управлявших Новгородом, наконец, известие о том, что «совет господ» (члены которого обычно отождествлялись с этими «поясами») заседал в новгородской Грановитой палате. Топографические данные источников В. Л. Янин проверял, измеряя объем Грановитой палаты и «Ярославова дворца», и пришел к выводу, что, судя по размеру этой палаты, «совет господ», заседавший в ней, не мог состоять более чем из 50 лиц, а на территории «Ярославова дворца» (определяемой на основе археологических данных) могло поместиться не более 300 человек; следовательно, «300 поясов» должны были скорее отождествляться с вечем, чем с «советом господ».⁴ Речь шла, таким образом, о сопоставлении письменных источников с источниками вещественными, а не о «внеисточниковом знании». Так же строилось исследование и во всех остальных упомянутых А. Г. Кузьминым «экспериментах»; метод проверки реальной возможности показаний источников давно известен в науке (он широко применяется, например, в истории военного дела), однако это именно *контрольный* метод, возможный только при наличии исходного эмпирического материала источников. Конечно, установление физической *невозможности* тех известий, о которых говорится в источнике, скажем, доказательство того, что на определенной площади не могло разместиться названное средневековым хронистом количество участников битвы, ставит под сомнение такие известия. Но если известий о каком-либо событии в источнике не сохранилось, если их у нас просто нет, позволительно ли установить какой-либо факт на основании одних только «экспериментов», о которых пишет А. Г. Кузьмин, лишь потому, что топографические, географические или какие-либо еще данные делают соответствующий факт *возможным*? Очевидно, что это не так: эмпирической основой наших знаний остаются все-таки источники, и все исторические факты мы знаем только из них.

⁴ В. Л. Янин. Проблемы социальной организации новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1, с. 49—50.

Не подкрепляет утверждений А. Г. Кузьмина и статья Е. Топольского. Что именно имеет в виду польский историк, говоря о «внеисточниковом знании»? Он отвечает на этот вопрос достаточно определенно: «внеисточниковым знанием» он предлагает называть «то знание, которое имеет и использует исследователь, изучая на основе источников прошлую действительность». «Следует, однако, определить — хотя это само собой разумеется — что определение „внеисточниковое знание“ имеет относительный характер, — специально поясняет Е. Топольский, — ведь в конечном счете все человеческое знание основано на источниках. . .». Термин «внеисточниковое знание» автор употребляет только «по отношению к данной информации о единичном историческом факте».⁵

В любой историко-филологической работе исследователь специально изучает лишь определенный источник или круг источников, — остальные данные он берет из других, уже произведенных исследований, и в этом смысле подобные данные могут быть определены как «внеисточниковое знание».

Большинство упреков А. Г. Кузьмина «противникам теоретического знания» объясняется тем именно, что автор все время смешивает методiku конкретного источниковедческого исследования с методикой исследования исторического и с методологией исторической науки в целом. А между тем это хотя и связанные, но отнюдь не идентичные понятия. Источниковедческое исследование устанавливает конкретные факты и совокупности фактов, оно отвечает на вопрос, как и когда происходили и происходили ли вообще определенные события. Историческое исследование занимается историческим процессом, оно дает ответ на вопрос о причинах событий и их возможных альтернативах. При решении таких вопросов историк вообще не может ограничиться источниками, относящимися только к данному месту и времени, — вопрос о причинах и альтернативах неизбежно требует сравнительно-исторического исследования. Материал, добытый вне данного исследования, выступает в таких случаях, употребляя условное выражение Е. Топольского, в роли «внеисточникового знания».

А. Г. Кузьмин постоянно пытается противопоставить изучению источника знание «объективной реальности», проверить источник «действительностью» (с. 15—16, 24, 385—386). Но откуда известна историкам «действительность»? Очевидно, из источников, изученных ими самими или их предшественниками. Как уже указывали А. Г. Кузьмину различные авторы, противопоставляя «объективную реальность» источнику, он неизбежно впадает в логический порочный круг.⁶ «Опасность создания такого „круга“ вследствие ошибок и вообще ограниченности возможности каждого исследователя действительно существует. . . — признает А. Г. Кузьмин и указывает: — Критерием истины и в этом вопросе может служить практика: привлечение новых источников, установление новых связей, раскрытие новых закономерностей» (с. 115). Но понятие «критерия практики» в данном случае вообще неприменимо: понятие это (связанное с экспериментальными науками) означает обоснование теоретического положения путем воспроизведения определенного процесса в будущем;

⁵ Е. Топольский. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании. — Вопросы философии, 1973, № 5, с. 77—79.

⁶ См.: Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах. — История СССР, 1972, № 4, с. 56; Д. С. Лихачев, В. Л. Янин, Я. С. Лурье. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей. — ВИ, 1973, № 8, с. 201; А. А. Зимин. О методике изучения древнерусского летописания. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1974, т. XXIII, № 5, с. 459.

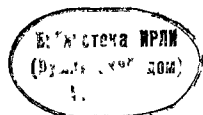
А. Г. Кузьмин же как раз отстаивает несопоставимость задач «познания прошедшего и предсказания будущего» (с. 14). Находка «новых источников», подтверждающих взгляды исследователя, конечно, существенно расширила бы «ограниченные возможности» исследования, но, к сожалению, опыт показывает, что заранее рассчитывать на такую находку трудно. Во всяком случае, ссылка на «новые источники» только подтверждает роль источника как эмпирической основы исторического знания.

Но не предопределяют ли уже сложившиеся исторические обобщения выводы, вытекающие из конкретного исследования источника, не следует ли считать, как выражается А. Г. Кузьмин, что «внеисточниковое знание» «составляет несравнимо больший удельный вес, чем то знание, которое может быть получено из данного источника»? Подобная точка зрения, подчиняющая конкретное исследование готовой «концепции», была довольно распространена в нашей исторической науке несколько десятилетий назад. Когда исследователи античности в 30-х гг. искали «революцию рабов», разрушившую Римскую империю, когда они во что бы то ни стало старались найти (хотя бы по очень сомнительным показаниям источников) как можно больше рабских восстаний в античном мире, они исходили из широких и в значительной степени верных соображений о рабовладельческом характере античного общества и о возможности и вероятности глубоких социальных конфликтов в этом обществе. Однако, если подобные общие соображения имеют эвристическое значение, предопределяя *поиски* соответствующих известий,⁷ то доказательного значения они не имеют и никак не заменяют знания, которое может быть получено из конкретного источника (из того, что рабские восстания могли происходить, не вытекает, что они происходили в определенное время и в определенном месте). Необходимость различения эмпирического исследования и чистой экстраполяции, основанной на теоретических данных, диктуется вопреки А. Г. Кузьмину не «негативным отношением к теории», не пренебрежением к «философии», а именно пониманием важнейшего философского принципа разграничения возможности и действительности. Приведя в своей работе целый ряд цитат Маркса, Энгельса и Ленина, совершенно не связанных с разбираемыми им вопросами, А. Г. Кузьмин напрасно оставил без внимания прямо относящиеся к этой теме слова о том, что «марксизм стоит на почве фактов, а не возможностей».⁸

В какой же степени общая теория и «внеисточниковое знание» помогают самому А. Г. Кузьмину в решении вопросов истории древнейшего

⁷ Эвристическое значение теоретических знаний историка автор этих строк отмечал неоднократно (ср.: Я. С. Лурье. 1) О некоторых принципах критики источников. — В кн.: *Источниковедение отечественной истории*, I. М., 1973, с. 85; 2) О гипотезах и догадках в источниковедении, с. 36). Тем более удивительно, что А. Г. Кузьмин в своей книге «отправным моментом» своих взглядов объявляет «отрицание эвристического значения теории» (с. 13). К сожалению, это не единственное *прямое* искажение взглядов оппонента у А. Г. Кузьмина. Так, он приписывает мне (как «рафинированному позитивисту») «уверенность», «будто для науки полезней полное незнание, нежели неполное знание» (с. 17). Никогда такой удивительной формулы я не высказывал; уж если А. Г. Кузьмин ждет от меня афоризмов, я сказал бы, что для науки полезней откровенное незнание или неполное знание, чем знание недостоверное. Возражая Д. С. Лихачеву, указывавшему, что даже вполне законченный и «сюжетный» летописный рассказ не должен считаться отдельным произведением, если он не встречается вне летописи, А. Г. Кузьмин прибавляет, что Я. С. Лурье «идет фактически дальше, поскольку из неверия в возможность выделения отдельных элементов летописи у него вырастает игнорирование и даже отрицание самого факта их существования» (с. 52). Что, собственно, означает эта странная мысль, приписываемая мне? Как можно отрицать «факт существования» внутри летописей таких элементов, как большие повести, летописные рассказы и погодные записи? А. Г. Кузьмин, по-видимому, не догадывается, что, сочиняя за своих оппонентов явно абсурдные высказывания, он характеризует не их, а самого себя.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 319—320

русского летописания? Ответ на этот вопрос дать не легко. «Внеисточниковое знание», из которого исходит в основной части своей книги А. Г. Кузьмин, заключается не в каких-либо широких исторических построениях, а в ссылке на три фактора: «рост этнического самосознания, утверждение государственных институтов и распространение христианства»; «общественное сознание» Киевской Руси выражалось в борьбе «за приоритет между этнополитическими группировками и династиями в процессе утверждения государственной системы» (с. 386). Мы не будем здесь разбирать вопрос, каково было действительное значение этой борьбы и могут ли быть сведены к ней все сложные социально-политические конфликты той эпохи.⁹ В данном случае нас занимает только одно: почему беглые ссылки на эту борьбу дают автору основание ограничить «место формальных методов» в изучении начального летописания и снижают «удельный вес и роль непосредственного изучения текстов»? Обращение к основной части книги А. Г. Кузьмина не помогает разрешить наши недоумения.

Результаты, достигнутые русской наукой при изучении древнейшего летописания, очень значительны. В основе изучения, как мы уже отмечали, лежал разработанный А. А. Шахматовым метод сравнения летописных памятников. Сравнивая «Повесть временных лет» (ПВЛ) с начальной частью Новгородской I летописи (НІЛ) младшего извода (XV в.), А. А. Шахматов установил, что ПВЛ и НІЛ содержат различные версии этого текста. В ПВЛ содержатся договоры киевских князей с греками, цитаты из греческой Хроники Аматорга; в НІЛ их нет; в ПВЛ вещей Олег — князь, правящий за малолетнего сына Рюрика Игоря; в НІЛ Игорь — взрослый князь, а Олег — его воевода, и т. д. А. А. Шахматов показал, что НІЛ содержит первичный текст, а ПВЛ — вторичный. Но поскольку влияние летописи XV в. на ПВЛ XII в. исключается, ученый пришел к выводу о существовании общего источника ПВЛ и НІЛ младшего извода — Начального свода XI в., предшествовавшего ПВЛ. Реконструкция Начального свода, созданная А. А. Шахматовым на основе тщательного анализа летописного текста ПВЛ, НІЛ и других памятников с начала по конец XI в.,¹⁰ конечно, была гипотетичной, но (как и другие предположения А. А. Шахматова о сводах, предшествовавших ПВЛ) она принадлежит к числу предположений, которые исследователи не могут произвольно отвергать или принимать, исходя из «внеисточниковых» соображений или интуитивных ощущений. В основе гипотезы А. А. Шахматова лежат реальные соотношения текстов, и автор, отстаивающий иную гипотезу, обязан предложить не менее убедительное объяснение таких соотношений.

Как же решает вопрос о Начальном своде А. Г. Кузьмин? Сравнение отдельных работ с последней монографией обнаруживает любопытные изменения во взглядах автора. Его первая статья на эту тему была посвящена критике сказания о призвании варягов — легендарного рассказа, сохранившегося и в ПВЛ и в НІЛ и отнесенного поэтому А. А. Шахматовым к Начальному своду. С IX в., когда, по легенде, были «призваны» Рюрик с братьями, до XI в., которым датируется Начальный свод, прошло

⁹ Эту странную односторонность общей исторической концепции А. Г. Кузьмина справедливо отметил А. А. Зимин (А. А. З и м и н. О методике изучения древнерусского летописания, с. 462—463), но А. Г. Кузьмин, упоминающий в своей последней книге статью А. А. Зимина (с. 54, 383), никак не ответил на данное замечание своего оппонента.

¹⁰ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, с. 302—374 (дальнейшие фрагменты Начального свода даны в книге Шахматова внутри текста реконструкции ПВЛ и выделены особым шрифтом — с. 61 и след.).

два века — время, вполне достаточное для формирования исторического предания. Но А. Г. Кузьмину для доказательства недостоверности предания этот интервал казался недостаточно большим, и он относил известие НПЛ о призвании варягов к XIII в., отрицая существование Начального свода: «... как раз это звено в схеме А. А. Шахматова вызвало серьезную критику многих исследователей. . . Ни А. А. Шахматов, ни кто-либо другой не доказали убедительно самый факт существования такого свода».¹¹ Но уже через несколько лет А. Г. Кузьмин признал, что «если т.н. „Древнейший свод“ реконструкции А. А. Шахматова в настоящее время отвергнут большинством авторов, то гипотеза о существовании „Начального свода“, как правило, признается вероятной». Однако полностью отказаться от своих прежних взглядов на начальный текст НПЛ он не счел возможным и предложил как бы компромиссный вариант: настаивая на том, что первая часть текста НПЛ до 945 г. (следовательно, сказание о призвании варягов) не старше XIII в., он согласился, что вторая часть текста более древнего происхождения: «... явные следы древнего текста замечаются начиная с 945 г.».¹² Однако большинство параллельных, но имеющих важные различия текстов ПВЛ и НПЛ (разные характеристики Олега и Игоря, наличие или отсутствие их договоров с греками) обнаруживается как раз в разделе до 945 г. Как же объясняются различия между ними?

В дальнейшей эволюции взглядов А. Г. Кузьмина на раннее летописание важную роль сыграли, очевидно, «внеисточниковые» соображения — изменение его взглядов на «объективную реальность». Отказавшись от мнения о тождестве варягов с норманнами, приняв предположение об их западнославянском происхождении, А. Г. Кузьмин заявил, что «акцентировать внимание на недостоверности и позднем происхождении сказания» о призвании варягов нужно лишь в том случае, «если исходить из представления о варягах как о скандинавах. Но пересмотр этого положения существенно меняет оценку всего предания».¹³ Это заявление очень интересно: оно лишний раз показывает, насколько зыбким оказывается то «внеисточниковое знание», которому А. Г. Кузьмин приписывает «несравненно больший удельный вес» по сравнению с исследованием конкретного источника.

Построение истории древнейшего летописания в книге А. Г. Кузьмина отличается от его же построенной в более ранних работах. Здесь автор уже не настаивает на позднем происхождении всего текста НПЛ до 945 г. Он ограничивается лишь указанием на то, что группа известий до 945 г. «почти не имеет текстуальных совпадений» с ПВЛ и что в известиях этой части НПЛ «собран разнородный материал» (с. 92, 101—102). Он признает также, что отсутствие договоров с греками (в том числе договоров Олега и Игоря, помещенных в ПВЛ до 945 г.) является «признаком первичности Новгородской первой летописи: в Повести названные статьи разрывают связное изложение» (с. 93), и что в ПВЛ, «видимо, для согласования разных версий, появляется малолетний Игорь, именем которого правит Олег, но одновременно сохраняются и тексты, в которых Олег совершенно бесспорно выступает в роли самостоятельного правителя» (с. 327, 330). Но сделать из этого естественный вывод о первичности текста, отразившегося в НПЛ, по сравнению с текстом ПВЛ А. Г. Кузьмин все же не хочет. Автор предлагает поэтому новое компромиссное решение вопроса об отношении

¹¹ А. Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды. — В кн.: Новое о прошлом нашей родины. М., 1967, с. 46.

¹² А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории древней Руси. Рязань, 1969, с. 27, 162.

¹³ А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. — ВИ, 1970, № 10, с. 30.

текста ПВЛ и НІЛ до 945 г. В рассказах НІЛ под 6362 (854 г.) и последующими годами «собран разнородный материал», отражающий «параллельно существующие традиции, основа которых уходит в неопределенную древность» (с. 102, 109; ср. с. 328).

Обращение к тексту ПВЛ и НІЛ до 945 г. никак не подтверждает такого предположения. Текстуальные совпадения между обоими памятниками в этой части достаточно многочисленны: в основном совпадают рассказы о Кие, Щеке и Хориве, о хазарской дани, об изгнании и призвании варягов, об убийстве Аскольда и Дира, о походе Олега на Царьград в 907 г. и об обратном путешествии Руси и Словен и, наконец, о гибели Игоря и о трех местах Ольги в 945 г.¹⁴ При этом совпадения и различия между версиями ПВЛ и НІЛ таковы, что неизбежно встает вопрос об их общем происхождении и взаимных отношениях. Так, в рассказе о гибели Аскольда и Дира (НІЛ — 6362 г., ПВЛ — 6390 г.) совпадают сообщения о том, что Олег с Игорем пришел «к горам киевским», узнал, что там правят Аскольд и Дир, спрятал воинов «в лодьях»; когда же Аскольд и Дир пришли, воины «выскакаша из лодей». Далее сходно обращение к Аскольду и Диру: «Вы неста князя, ни роду княжа, но аз есмь. . .» — и окончание: «И убиша Аскольда и Дира, и несоша на гору и погребоша и на горе, еже ся ныне зовет Угорское, кде ныне Олмин двор, а Дирова могила за святою Ориною».¹⁵ Ясно, что в основе рассказов обеих летописей о смерти Аскольда и Дира (как и последующих рассказов — о гибели Игоря, местах Ольги и т. д.) лежал общий источник, но несомненно также, что либо та, либо другая летопись этот источник переделала: в ПВЛ фигурирует единственный завоеватель — князь Олег, носящий на руках Игоря «детска», он и говорит: «Вы неста князя. . ., но аз есмь роду княжа»; в НІЛ выступают два завоевателя: взрослый князь Игорь и его воевода Олег; слова «вы неста князя. . ., но аз есмь князь» говорит Игорь. Отнесение общего источника обоих рассказов «в неопределенную древность» не снимает вопроса о том, как читались эти места в общем источнике — подобно ПВЛ или подобно НІЛ. Рассказу о двух завоевателях в тексте НІЛ последовательно соответствует двойственное число: «начаста. . ., налезоста. . ., пойдоста. . ., прийдоста. . ., узреста. . ., потаистася. . .». В ПВЛ ходит и действует один лишь Олег — соответственно двойственное число заменяется единственным: «поиде. . ., прииде. . ., уведа. . ., похоронив вои. . .». Однако, как это часто бывает при редактировании, в одном случае прежний вариант не сумели устранить: двойственное число сохранилось в ПВЛ в словах «прийдоста к горам х киевським». Очевидно, перед нами уже вторичная обработка текста Начального свода, переданного в первоначальном виде НІЛ.

Причины такой переделки текста Начального свода в ПВЛ становятся понятными, если учесть важнейшее отличие текста ПВЛ от НІЛ: в текст ПВЛ были вставлены договоры с греками, отсутствовавшие в Начальном своде (их вставной характер в ПВЛ признает теперь и А. Г. Кузьмин), и в частности договор Олега, свидетельствующий о его положении князя (а не воеводы при Игоре, как изображалось в Начальном своде). А. Г. Кузьмину кажется «нелогичным» то обстоятельство, что памятник XI в. (Начальный свод) оказывался в этом случае более далеким от документа, чем памятник XII в. (ПВЛ) (с. 328). Однако большая древность памятника далеко не всегда обеспечивает его большую точность и осведомленность

¹⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, с. 8—9, 19—20, 23—24, 29—30, 32—33, 61—66.

¹⁵ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 20; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 107, 514; ср.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, с. 369.

автора. Мнение А. А. Шахматова, что в ПВЛ «превращение воеводы Олега в князя Олега вызвано отчасти влиянием этих договоров» (договора 911 г. и более краткой его версии, помещенной под 907 г.),¹⁶ конечно, предположительно, но предположение это, вопреки А. Г. Кузьмину, вполне логично. Действительные взаимоотношения между родоначальником киевской княжеской династии Игорем, вещим Олегом и легендарным Рюриком неизвестны, и уже в XI в. изложение этого сюжета основывалось на припоминаниях и подчинялось политическим тенденциям: известно было лишь, что Олег — не отец Игоря, и важно было подчеркнуть права Игоря и его потомков на престол. Летописец XI в., не знавший договоров X в., решил этот вопрос, назвав Олега воеводой, а составитель ПВЛ, имевший перед собой договоры, естественно, исправил по ним версию своего предшественника, вернув Олегу звание князя.¹⁷

Отвергнув шахматовскую схему истории древнейшего летописания, А. Г. Кузьмин не предложил удовлетворительного объяснения реальных соотношений между текстами, на которых эта схема основывалась. Что же касается собственных построений автора, то они представляют собой не гипотезы, а в сущности простые догадки.

Такой догадкой является, например, предположение о существовании «летописной традиции Десятинной церкви», отражающей «западное влияние». Мысль о существовании летописца Десятинной церкви как одного из источников древнейшего летописания уже высказывалась в научной литературе. Так, Л. В. Черепнин связывал предположение о летописании Десятинной церкви с шахматовской гипотезой о Древнейшем своде, имевшей серьезное текстологическое обоснование (хотя и не столь веское, как гипотеза о Начальном своде), — А. А. Шахматов предполагал, что Древнейший свод, предшествовавший Начальному, отразился в житийном памятнике — «Памяти и похвале» мниха Иакова. В отличие от А. А. Шахматова, относившего Древнейший свод к первой половине XI в., Черепнин датировал этот свод концом X в., считал местом его составления Десятинную церковь и полагал, что в основе его лежала какая-то старинная повесть о поляно-руси (со «славянофильскими» — западнославян-

¹⁶ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 397.

¹⁷ Мы не разбираем здесь всех остальных аргументов А. А. Шахматова в пользу отражения в НПЛ Начального свода. Важную роль в аргументации А. А. Шахматова играли его наблюдения над использованием в ПВЛ Хроники Амартола, цитат из которой нет в НПЛ, — в ней отразилась лишь особая хронографическая компиляция с особой хронологией (А. А. Шахматов. 1) Разыскания. . . , с. 394—395; 2) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, с. 60, 72). А. Г. Кузьмин первоначально был склонен вообще отбрасывать эти наблюдения А. А. Шахматова, возводя хронологию начальной части НПЛ к Толковой палее и датируя ее временем не ранее XIII в. (А. Г. Кузьмин. Русские летописи. . . , с. 60—61). В последней книге автор признает, что источником НПЛ был особый Хронограф («Хронограф по великому изложению», по терминологии В. М. Истрина), но настаивает на том, что «тексты Хронографа и Хроники соединяются „чересполосно“ и что «разграничение материала между Хронографом и Хроникой не может быть произведено с абсолютной точностью» (с. 299—300; ср. с. 106—109). Но отношениям между ПВЛ, Начальным сводом, Хроникой Амартола и «Хронографом по великому изложению» были посвящены за последние годы специальные исследования О. В. Творогова, показавшего, что Начальный свод (судя по НПЛ) пользовался только «Хронографом по великому изложению» (текст которого в значительной степени восстанавливается по Троицкому хронографу), а ПВЛ пользовалась только Хроникой Амартола в дополнение к Начальному своду, и отметившего, что эти наблюдения подкрепляют гипотезу Шахматова о Начальном своде (О. В. Творогов. 1) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 99—113; 2) Повесть временных лет и Начальный свод. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 3—26). А. Г. Кузьмин исследование О. В. Творогова знает (ср. с. 280, 291), но не упоминает его выводы.

скими тенденциями), существование которой предполагал еще Н. К. Никольский.¹⁸ Предположение о летописи, составленной при Десятинной церкви, принял и Б. А. Рыбаков.¹⁹ С развернутыми возражениями против предположения о летописи Десятинной церкви выступил А. Н. Насонов. Исследователь прежде всего разграничил понятия летописного «свода», памятника, имеющего определенные жанровые черты, и отдельных летописных записей, которые действительно могли вестись и в Десятинной церкви в конце X в. Но отражение таких записей в летописании не дает «данных для предположения, что на исходе X в. при Десятинной церкви был составлен летописный „с в о д“». Древнейший свод А. Н. Насонов датировал, вслед за А. А. Шахматовым, серединой XI в., не связывая его с Десятинной церковью и не усматривал в нем специфических «славянофильских» тенденций.²⁰

Своеобразие догадки А. Г. Кузьмина о «летописной традиции Десятинной церкви» заключается в том, что традицию эту он связывает не с Древнейшим сводом и не с каким-либо конкретным этапом предьстории ПВЛ, а с некой неопределенной, но весьма продолжительной эпохой и с разнообразными тенденциями в киевском летописании. В ПВЛ неоднократно упоминается сын Ярослава Изяслав; некоторые из известных о нем имеют отрицательный, некоторые — положительный характер. Но Изяслав в ходе борьбы с братьями дважды бежал в Польшу, следовательно, он был связан с западными славянами. Похоронен он был, как и его дед Владимир, в Десятинной церкви, но институт церковной «десятины» (давший наименование этому храму) был менее характерен для восточной церкви, чем для западной. Кроме того, «в летописи есть ряд чтений, в которых может проявляться „западное“ влияние» (с. 211—212). К отражениям «летописной традиции Десятинной церкви» автор относит наряду с положительными упоминаниями об Изяславе и его потомках упоминания о мире между христианскими правителями, о царе Соломоне (как отличавшемся «миролюбием»), о Тмутаракани и т. д. Вся же в целом «традиция Десятинной церкви» длилась, согласно его построению, с конца X в. по крайней мере до 80-х гг. XI в., а возможно, и еще позже (с. 183—218).

Что можно сказать о такой аргументации? Если гипотеза о Начальном своде имела целью объяснить взаимоотношения между ПВЛ и НИЛ, то предположение о летописи Десятинной церкви X—XI вв. ни на какие реальные текстологические наблюдения не опирается. Это просто догадка, основанная на произвольном выборе из ПВЛ группы известных, объединенных А. Г. Кузьминым и объявленных им частями не дошедшей до нас летописи Десятинной церкви. В основе догадки лежит не необходимость объяснить данные источников, а простое допущение о возможности факта: почему бы записям, ведшимся в Десятинной церкви в конце X в., не продолжаться и до конца XI в. и не составить особую «летописную традицию»? ²¹

Вот этот-то принцип «почему бы и нет?», а вовсе не прокламированные в начале книги «гносеологические» и «методологические» установки, лежит

¹⁸ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакция и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, т. 25. М., 1948, с. 332—333. Ср.: А. А. Шахматов. Разыскания. . . , с. 21—25, 398—420; Н. К. Никольский. Повесть временных лет, как источник для истории начальной письменности и культуры. — В кн.: Сборник по русскому языку и словесности, т. II, вып. 1. Л., 1930, с. 7—9, 31—83.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 174, 189—192.

²⁰ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 22—34.

²¹ Ср.: А. Г. Кузьмин. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI в. — ВИ, 1971, № 10, с. 57.

в основе конкретных построений А. Г. Кузьмина. Тот же принцип предопределяет и целую серию догадок автора о существовании разных годовых стилей (с. 226—247) и космических эр (с. 248—277) в Киевской Руси. Высказывая соответствующие догадки, А. Г. Кузьмин основывает их не на систематическом изучении хронологии древнейшего летописания (как это делал в свое время Н. Г. Бережков), а на допущении, что такой отсчет от разных эр и такие стили *могли* существовать в разных землях и общинах Киевской Руси одновременно.²²

На неаргументированных допущениях строятся и рассуждения А. Г. Кузьмина о начале новгородского летописания. Как и в других случаях, его взгляд противопоставляется здесь мнению о «последовательном развертывании материала в единственной летописной эстафете», якобы утвердившемуся в науке под влиянием А. А. Шахматова, и схемам, «которые ориентируются на летописание как на дерево с единственным стволом до крайней мере до XII столетия» (с. 364). Несостоятельность такого противопоставления видна хотя бы из того, что, говоря о новгородском летописании, А. Г. Кузьмин возвращается как раз к предположению А. А. Шахматова о Новгородском своде середины XI в. как об одном из источников Начального свода. Отвергнуто же это предположение было впервые не мифическими сторонниками «примата текстологии над историей», обличаемыми в книге, а М. Н. Тихомировым. М. Н. Тихомиров отметил, что новгородские известия, отразившиеся в ПВЛ, настолько немногочисленны, что едва ли в них можно видеть отражение Новгородского свода XI в.²³ Согласившись с М. Н. Тихомировым, Д. С. Лихачев высказал предположение, что новгородские известия ПВЛ (Начального свода) восходили не к письменному, а к устному источнику — рассказам новгородца Вышаты.²⁴ Но кроме древнейших новгородских известий ПВЛ А. А. Шахматов отметил существование целого комплекса древнейших новгородских известий в Софийской I (СИ) и Новгородской IV (НИВЛ) летописях. Известия эти восходили, очевидно, к общему протографу СИ и НИВЛ — «Новгородско-Софийскому своду» середины XV в.²⁵ Один из интереснейших памятников русского летописания, «Свод 1448 г.», или «Новгородско-Софийский свод», не раз привлекал внимание исследователей за последнее время; однако вопрос об источнике его древнейших новгородских известий ожидает специального исследования, для которого необходимо, конечно, изучение свода в целом (по СИ и НИВЛ), последовательное выделение и анализ уникальных новгородских известий его первой части. Если бы А. Г. Кузьмин предпринял исследование этих известий, он действительно мог бы сказать новое слово о начале новгородского летописания. Но он даже не попытался произвести подобную работу. «Летописным сводам XV—XVI вв.» посвящен в его книге краткий и совершенно несамостоятельный раздел, в котором бегло, без всякого анализа упоминаются «со-

²² Ср. об этом: Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах, с. 54; А. А. Зимин. О методике изучения древнерусского летописания, с. 461.

²³ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. 1. М., 1940, с. 55. А. Г. Кузьмин утверждает, что М. Н. Тихомиров «не имел определенной позиции в этом вопросе» (с. 163, примеч. 139), ссылаясь на второе издание книги М. Н. Тихомирова. Но во втором издании М. Н. Тихомиров только приводил мнение Б. А. Рыбакова, допуская «возможность составления летописей при дворах новгородских бояр и посадников»; упоминание это содержалось не в разделе, посвященном источникам ПВЛ, а уже в следующем разделе — «Летописные своды XII—XIII вв.» (М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. I. М., 1962, с. 52).

²⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 88—89. Ср.: Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — ИЗ, т. 17. М., 1945, с. 201—224.

²⁵ Ср.: А. А. Шахматов. Разыскания. . . , с. 199—200, 213—231, 495—496.

фийско-новгородские летописи» (с. 111—113).²⁶ Приводя в заключительной части книги отдельные известия СЛ за XI в., А. Г. Кузьмин заявляет, что «первичность их может основываться лишь на внутренней логике и достоверности известия» (с. 364). Характер и форма этого летописания остаются в его построениях совершенно неясными: новгородские записи «на протяжении второго десятилетия до 60-х годов XI века», по его словам, «возможно, восходят к разным источникам. Одни из них могут быть светской хроникой (или повестью) княжения Ярослава. . . Другой возможный новгородский источник имел церковное происхождение» (с. 381). Выводы, противопоставляемые сторонникам «примата текстологии над историей», оказываются, таким образом, довольно неопределенными; при этом они не вытекают из анализа и необходимости объяснения данных источника, а строятся на догадках: «может быть», «возможно» и т. д.

Как же были связаны, согласно А. Г. Кузьмину, предположенные им «летописные традиции» Десятиной церкви, Новгорода и т. д. с Начальным сводом (если он существовал) и ПВЛ? Ответа на этот вопрос мы в книге не находим. Завершая свое сочинение, А. Г. Кузьмин пишет: «По традиции, идущей от А. А. Шахматова, исследования по истории летописания венчает генеалогическая таблица взаимоотношений сводов, а иногда и буквальная реконструкция текстов протографов. Схема, безусловно, помогает лучшему уяснению предлагаемой концепции. Тем не менее автор полагает целесообразным отступить от традиции». Такой «своеобразный вывод» автор объявляет результатом «оценки репрезентативности наличного материала» (с. 383). На первый взгляд такое заявление кажется странным: если у А. Г. Кузьмина оказалось достаточно «наличного материала» для написания целой монографии, то почему же его оказалось недостаточно для построения небольшой схемы, которая бы пояснила сделанные им выводы? Никак не помогают ответить на этот вопрос рассуждения автора о том, что существующие реконструкции и схемы предусматривают «два непеременимых условия: тексты не претерпевали существенных изменений на протяжении ряда столетий при составлении новых сводов и вращались в рамках *одной* традиции» (с. 384). Это утверждение просто неверно: как мы уже видели, А. А. Шахматов считал, что в основе древнейшего летописания лежали по крайней мере *две* традиции — киевская и новгородская (определяемая, однако, не как абстрактная «традиция», а как конкретный Новгородский свод середины XI в.). Это не мешало ему построить схему, ясно объясняющую его построение, и дать реконструкцию древнейших памятников, включая Новгородский свод 1050 г.²⁷

При изучении летописания более поздних веков исследователи также постоянно говорят о различных летописных традициях, но это не мешает им иллюстрировать свои выводы схемами.

Но в одном А. Г. Кузьмин все-таки прав: отсутствие какой-либо схемы действительно является «своеобразным выводом» из его книги. Когда исследователь имеет определенное мнение о происхождении исследуемых им текстов, о взаимоотношениях между ними, ему нетрудно выразить это мнение графически — как нетрудно человеку, имеющему представление о дороге, изобразить ее на простом чертеже. Но неопределенные предпо-

²⁶ К «Новгородско-Софийской группе», которая «отчетливо выделяется» среди летописей XV—XVI вв., автор почему-то относит Софийскую II летопись (СЛII), не имеющую ничего общего с СЛ и связанную с ней лишь названием, неудачно (по позднему Воскресенскому списку) данным СЛII археографами XIX в. (ср.: А. Н. Насонов. История русского летописания. . . , с. 370—371).

²⁷ А. А. Шахматов. Разыскания. . . , с. 536—537 (стемма), 539—629 (реконструкция Древнейшего Киевского и Новгородского сводов).

ложения, построенные на принципе «почему бы и нет?», не могут быть переданы ни в виде чертежа, ни в форме реконструкции. Изображать здесь в сущности нечего.

История и филология — не точные науки; гипотезы и гипотетические построения являются в них постоянными и неизбежными элементами. Но смешение гипотез с догадками, с рассуждениями, основанными не на необходимости объяснить эмпирический материал, а на простой возможности, опасно для науки. Совсем губительным станется такой путь, когда он принимает наступательный, воинственный характер, когда его пытаются обосновать не имеющими отношения к спору ссылками на «философию», «гносеологию», «внеисточниковое знание» и т. п.

2

Статья В. А. Плугина «Нерешенные вопросы русского летописания XIV—XV веков», написанная как полемический ответ на мою книгу «Общерусские летописи XIV—XV вв.»,²⁸ по тону и характеру изложения выгодно отличается от работы А. Г. Кузьмина. В. А. Плагин серьезно стремится разобраться в построениях и аргументах, с которыми он спорит, не прибегает к произвольным перетолкованиям чужих взглядов и к наклеиванию на них одиозных ярлыков. Некоторые из критических замечаний В. А. Плугина могут быть приняты или, во всяком случае, требуют уточнения оспариваемых им положений.²⁹

В рамках настоящей работы нам хотелось бы, однако, затронуть не все вопросы, поднятые в статье В. А. Плугина, а лишь один из них, занимающий центральное место, — вопрос о материалах, которыми мы располагаем для реконструкции московского летописания XIV—начала XV в.

Конкретные памятники, непосредственно отражающие это летописание, немногочисленны. Единственным бесспорно московским сводом начала XV в., основанным на летописной традиции предшествующего столетия, была Троицкая летопись (далее: Тр), погибшая в 1812 г. и реконструированная М. Д. Приселковым по цитатам Карамзина, Симеоновской летописи (далее: Сим) и Рогожскому летописцу. Анализ этого текста Тр показывает, что московское летописание XIV в., отразившееся в ней, не отличалось богатством содержания (ряд сюжетов, переданных в тверском, псковском и новгородском летописании, здесь изложен весьма ла-

²⁸ В. А. П л у г и н. Нерешенные вопросы русского летописания XIV—XV веков. (К выходу в свет книги Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV—XV вв.»). — История СССР, 1978, № 4, с. 73—93 (далее ссылки на страницы этой статьи даются в тексте в скобках).

²⁹ Можно, например, согласиться с В. А. Плугиным, что определение «официальной» и «неофициальной» летописной традиции, данное в книге, недостаточно четко (с. 92). Обычно под «официальными сводами» в книге понимались своды великокняжеские, но иногда этот термин приходилось употреблять для того, чтобы разграничить «официальную» связь летописи с митрополией или монастырем и такие случаи, когда летописец выступал как независимый автор, за высказывания которого данный иерарх не нес ответственности. Некоторые возражения вызвало у В. А. Плугина и предположение, что общий протограф СИЛ и НИВЛ был сводом 30—40-х (а не 10—20-х гг.) XV в., конец которого был лишь частично сохранен в СИЛ младшего извода, а в остальных летописях отброшен, так как его «нейтральная» позиция уже никого не устраивала с середины XV в. Соглашаясь с важностью ряда аргументов в пользу такой датировки, В. А. Плагин спрашивает, почему именно текст после 1418 г. оказался неприемлемым для летописцев второй половины века (с. 89). Ответ на этот вопрос может быть, конечно, только предположительным, но сам В. А. Плагин (с. 90) вспоминает, что именно с 1419 г. начался конфликт между Василием I и его братьями из-за намерения великого князя передать престол сыну (а не одному из братьев, как указывалось в завещании Дмитрия Донского).

конично или совсем обойден). В самой Тр упоминается о существовании летописного памятника конца XIV в. — «Летописца великого русского», но каких-либо специфических следов этого памятника в летописании XV и XVI вв. мы не обнаруживаем. Во всяком случае, круг московских известий за XIV в. в летописях XV—XVI вв. не выходит за пределы материала, содержащегося в Тр.³⁰ Отсюда вытекает естественный вывод: Тр опиралась на то же московское летописание, которым располагал «Летописец великий русский», или же на самый этот «Летописец».

Не очень обширны и те данные, которые мы имеем для восстановления московского летописания первой четверти XV в. Основным источником для реконструкции этого летописания был для А. А. Шахматова уже упомянутый в этой статье «Свод 1448 г.», или «Новгородско-Софийский свод» — общий протограф двух широко распространенных летописей XV в. CI и NIV. «Новгородско-Софийский свод», по мнению А. А. Шахматова, опирался на два предшествующих летописных памятника — Новгородский свод начала 20-х гг. XV в. и общерусский «Владимирский полихрон» митрополита Фотия 1423 г. Независимым от «Свода 1448 г.» отражением того же «Владимирского полихрона» А. А. Шахматов считал Ермолинскую летопись (далее: Ерм) и Хронограф, который он датировал серединой XV в. Исследования, появившиеся после А. А. Шахматова, поставили под сомнение многие из этих положений. Ерм и Хронограф (датированный теперь концом XV—началом XVI в.) опирались не на «Полихрон», а на более позднее летописание, возникшее позже «Свода 1448 г.» и под его влиянием. По своим тенденциям «Свод 1448 г.», протограф CI I и NIV I, был не новгородским, как полагал А. А. Шахматов, а общерусским сводом (выражавшим позиции московских князей в их борьбе с Новгородом). Естественно, что он опирался на разнообразные источники. Предположение о «Владимирском полихроне» Фотия теряет, таким образом, свое основание.³¹

Все эти наблюдения ограничивают тот материал, которым мы располагаем при построении истории московского летописания. Однако это построение, основанное на реально имеющихся данных, вызывает возражения В. А. Плугина. Его смущает прежде всего неравномерность распределения московских сводов в предложенной мною схеме. До конца XIV в. — довольно бедное московское великокняжеское и митрополичье летописание, в конце века — «Летописец великий русский», в первой половине XV в. — Киприановский свод 1408 г. и «Свод 1448 г.», а с середины XV в., по ироническому замечанию В. А. Плугина, своды «как бы сыплются из рога изобилия» или растут «как грибы». «По нашему мнению, реальная картина была более сбалансированной», — пишет автор (с. 91, ср. с. 74).

Обосновывая иное представление о раннем московском летописании, В. А. Плагин ссылается на «общий культурный фон XIV—начала XV в.». Он упоминает об обширных строительных работах в Москве, ссылается на замечания Д. С. Лихачева о «возрождении всего политического и культурного наследия Владимира» в Москве XIV в. «Я. С. Лурье придерживается, по-видимому, иной концепции. . .», — с упреком замечает автор. Говоря о пробелах в московской книжности, он напоминает «о страшном

³⁰ См.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 120—122; Я. С. Лурье. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 56—66; 2) О московском летописании конца XIV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. XI. Л., 1979, с. 3—20.

³¹ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 133—150, 156—160; А. Н. Насонов. История русского летописания. . ., с. 260—274; Б. М. Кloss. О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 246—255; О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 200; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 70—71, 104—114.

уроце, нанесенном московской книжности нашествием Тохтамыша, когда доглы выгорел Кремль со всеми его литературными сокровищами» (с. 74—75).

Перед нами, как видим, опять аргументация, построенная на возможности определенных фактов. Что можно сказать о таких доводах? Конечно, подлинная история летописания XIV—XV вв. могла быть и, вероятно, действительно была сложнее и богаче, чем это представляется на основе сохранившихся памятников. Но исследователю все-таки приходится иметь дело с дошедшим до него фактическим материалом. Нельзя реконструировать историю летописания, исходя не из этого материала, а из «общего культурного фона» или из «концепции» — той или иной. В этом смысле сравнение с собиранием грибов, предложенное В. А. Плугиным, оборачивается не в его пользу. В одних местах грибов много, в других — мало, и бесполезно выражать негодование по поводу такой «нелогичности» и «несбалансированности».

Какой же конкретный материал для пополнения имеющихся данных и создания более «сбалансированной картины» предлагает В. А. Плагин? Основным летописным источником, из которого он извлекает данные для реконструкции и «Летописца великого русского» конца XIV в. и «Полихрона Фотия» начала XV в., является Никоновская летопись (далее: Ник) XVI в.

Ник — едва ли не самый обширный из дошедших до нас летописных памятников (она занимает шесть огромных томов ПСРЛ) — постоянно привлекала внимание историков, но использование ее связано с многими затруднениями. Составленная в первоначальном виде в 20-е гг. XVI в. при прямом участии митрополита Даниила, иосифлянина, близкого к великому князю Василию III, и продолженная при Иване IV Ник служит для истории XVI в. ценным, хотя и весьма тенденциозным, источником.

Труднее определить ценность Ник как источника по истории предшествующих веков. В Ник при сравнении ее с другими, более ранними летописями неоднократно обнаруживаются дополнительные, иногда совершенно уникальные известия — начиная с IX в. и Киевской Руси и кончая XIV—XV вв. Какого же происхождения эти известия? Могли ли они восходить к древним, не дошедшим до нас памятникам? В некоторых случаях, вероятно, могли. Исследование Ник обнаруживает, что она использовала многие источники. Из летописей XVI в. на Ник оказала влияние Иоасафовская летопись, создававшаяся, по-видимому, в одной рукописной мастерской с Ник. Великокняжеское летописание XV в. (Московский свод 1479 г.) повлияло на Ник и через летопись начала XVI в. — Симеоновскую. Но Сим только в разделе за XV в. основана на великокняжеском летописании этого века; вплоть до конца XIV в. она содержит особую версию общерусского (вероятно, митрополичьего) летописания, которая отразилась и в Тр. Сходный текст, близкий к Тр, содержит и Ник. Отразилось в ней и тверское летописание XV в. Вместе с тем Ник связана и с Новгородской V (Новгородской Хронографической) летописью (НВЛ), в свою очередь опиравшейся на НВЛ и на неофициальное летописание 70-х гг. XV в.³² Именно сложнейший состав Ник дал М. Д. Приселкову основание заметить, что «Никоновская летопись, собравшая через многие своды свой огромный фонд известий, может помочь доказывать любую тему по реконструкции не дошедших до нас летописных сводов при непременно, конечно, условии оказавшейся здесь иной редакции изучаемого памятника, т. е. при наличии дополнительных известий и иной их передачи».³³ В. А. Плагин, охарактеризовавший это положение М. Д. Приселкова как

³² Ср.: Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

³³ М. Д. Приселков. История русского летописания. . . , с. 116.

«едкое замечание, брошенное. . . ученым» (с. 79), напрасно не принял во внимание его существа. Речь идет об очень опасном свойстве Ник: текст ее настолько сложен по характеру и происхождению, что его нельзя просто принимать или отвергать на основании общей вероятности и правдоподобия того или иного известия без анализа летописи в целом и сопоставления ее с параллельными памятниками.

Своеобразие известий Ник, не находящих соответствий в других сводах, далеко не всегда может объясняться использованием неизвестных нам ранних источников. Многие уникальные известия проникнуты общей тенденцией, явно указывающей на время создания летописи в целом: XVI век, эпоха Василия III—Ивана IV. Б. М. Клосс привел целый ряд примеров прямого отражения в Ник политических тенденций митрополита Даниила — редактора и составителя первоначальной редакции летописи (20-е гг. XVI в.). Политика Даниила — активного сторонника великокняжеской власти — отразилась в многочисленных добавлениях к рассказам о легендарном первом митрополите Михаиле (6496 г., 6498—6499 гг., 6500 г.); борьба Даниила с Максимом Греком, обвинявшим русских иерархов в самочинном разрыве с патриархом и в «стяжании сел», породила многочисленные указания Ник на то, что русские митрополиты — от Илариона до Ионы — ставились самостоятельно на основе патриаршей «грамоты» (6559 г.; ср. 6957 г.); рассказ о легендарных еретиках Адриане и Дмитре (6512 г. и 6631 г.) явно перекликался с известиями об осуждении Максима Грека. Наконец, внешняя политика Василия III — наступление на Казанское царство в 20-х гг. и переговоры с папой — получила отражение в уникальных известиях о походах на волжских болгар (еще при Кии) и о сношениях киевских князей с Римом (с IX по XIV в.).³⁴

Но дополнения в Ник объяснялись не только конкретными политическими задачами, стоявшими перед Даниилом. Позиция официальной церкви, связанной с московской самодержавной властью, сказывалась в последовательной обработке известий в соответствии с господствующей идеологией. Исходя из норм официального этикета XVI в., составитель Ник переделал упомянутый выше рассказ об убийстве Аскольда и Диры: согласно Ник, мнимый «гость» Олег передал Аскольду и Диру, что он «в болезни» и потому не может прийти, а между тем он привез «много великаго и драгаго бисера и всякаго узорочия» и хочет сообщить им нечто тайное. Только такие серьезные причины могли, с точки зрения составителя Ник, побудить князей отозваться на приглашение какого-то купца и влезть «в лодью» Олега.

Составитель Ник ставил перед собой и чисто литературную задачу — усиление яркости и занимательности изложения. В Ник читаются явно вымышленные сцены и фигурируют вымышленные персонажи. Так, Б. М. Клосс заметил, что в летописное повествование за различие века «введено немало новых лиц, но их имена подозрительно вращаются в основном вокруг имен Якова и Станислава, ср.: *Станислав* (IX, 177), *Иван Яковль* (IX, 222), *Яков Станиславич* (IX, 222)» и т. д.³⁵

Составитель летописи широко привлекал и свободно обрабатывал фольклорный материал: рассказывая о богатыре Александре (Алеше) Поповиче, он не затруднился растянуть его деятельность на два с половиной

³⁴ Ник издана: ПСРЛ, т. IX—XIV. СПб., 1862—1910 (фототипич. переиздание: М., 1965). (Далее в тексте ссылки на годовые статьи Ник). Ср.: Б. М. Клосс. 1) Митрополит Даниил и Никоновская летопись. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 188—201; 2) Никоновская летопись и Максим Грек. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 124—131; 3) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв., с. 187—188.

³⁵ Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв., с. 188—189.

века (с начала XI до середины XIII в.), рассказал про Вадима Храброго, убитого Рюриком (6372), про разбойника Могуту (6516) и др. Дополняются рядом новых эпизодов и действующих лиц рассказы о битве на Липице (6724), нашествии Батыя (6745), о Михаиле-Митяе (6886) и т. д.³⁶ Став на путь последовательного расширения текста, составитель Ник обильно привлекал внелетописные материалы. Он вставил в летопись особую редакцию послания патриарха Луки Хрисоверга князю Андрею Боголюбскому (6668), дополнил Летописную повесть о Куликовской битве текстом отдельного Сказания о Мамаевом побоище (6889), включил (опять-таки в переработанном виде) Повесть о взятии Царьграда турками (6961). В числе других вставных памятников составитель Ник включил также житийные рассказы о митрополитах Петре (6834), Алексее (6886) и др.

Как же могут быть определены происхождение и историческая достоверность отдельных известий или вариантов известий Ник? Наиболее опасными представляются в этом случае ссылки на общую вероятность и историческое правдоподобие этих известий. Аргументируя таким образом, мы пойдем по пути догадок, по уже знакомому нам пути рассуждений типа: «Почему бы и нет?».

К сожалению, В. А. Плугин в своих ссылках на Ник обнаруживает склонность именно к такому методу рассуждений. Предполагая, что в Ник сохранились древние известия «Летописца великого русского», не попавшие в Тр, В. А. Плугин ссылается на известия Ник за 6852 (1344) и 6876 (1368) гг. и на рассказ этой летописи о нашествии Тохтамыша в 6890 (1382) г.

Но известие Ник за 6852 г. очень близко к известию Тр (в Ник оно заимствовано из близкой к Тр Симеоновской летописи). «Принципиальная разница» между Ник и Тр заключается, по словам В. А. Плугина, в том, что в Тр говорится, что мастера, расписывавшие церковь Михаила Архангела, не успели сделать это за одно «лето» «величества ради церкви тоя», а в Ник к словам «величества ради» добавлено: «и мелкаго писма». Указывая, что «либо Никоновская дополняет этой вставкой первоначальный текст, либо Троицкая, а вслед за ней большинство других летописей, сокращает и видоизменяет здесь текст древнего источника Никоновской», автор решает, что, «скорее всего, произошло именно последнее», ибо сообщение Ник, важное для великокняжеских сводчиков XII в., «по всей видимости, истинно» (с. 79). Но делать ссылку на «видимую истинность» доказательством раннего происхождения памятника, как мы уже отмечали, весьма опасно, а главное: почему даже вероятное объяснение, данное летописцем XVI в., могло быть извлечено только из конкретного летописного памятника конца XIV в., ускользнувшего от внимания сводчиков XV в.? Ведь летописец митрополита Даниила хорошо знал, сколько времени обычно нужно было мастерам для того, чтобы расписать собор (тот самый, кстати, Архангельский собор, который вновь строили и расписывали в начале XVI в.), и мог сам предложить достаточно убедительное объяснение, почему роспись собора в 1344 г. затянулась.³⁷

³⁶ См.: Я. С. Л у р ь е. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 110—112; J. L. F e n n e l l. The Tale of Baty's Invasion of North-East Rus' and its Reflexion in the Chronicles of the XIII-th—XV-th Centuries. — Russia Mediaevalis, t. III. München, 1977, p. 73—74. n. 4; Г. М. П р о х о р о в. Летописная повесть о Митяе. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 247—252.

³⁷ В примеч. 19 к с. 79 В. А. Плугин отмечает еще, что, перечисляя мастеров, работавших в 1344 г., Ник называет одно «лишнее» по сравнению с другими летописями имя — Дионисия. Откуда это имя (совпадающее, кстати, с именем крупнейшего русского иконописца конца XV в.) попало в Ник? Возможно, что в распоряжении составителя Ник были какие-то достоверные материалы о церковном строительстве преды-

Известие Ник за 6876 г. также весьма близко к известию Тр (Сим). В Тр здесь содержится запись, сравнивающая нашествие Ольгерда в 1388 г. с нашествием татарского темника Федорчука в 1327 г.: «А прежде толь велико зло Москве от Литвы не бывало в Руси, аще и от татар бывало. От Федорчуковы рати до Олгердовы лет 41».³⁸ Уже М. Д. Приселков обратил внимание на органическую связь между записью 6876 г. и содержащимся в той же Тр известием 6836 (1328) г. о том, что после похода Федорчука на Тверь и получения Иваном Калитой великокняжеского престола «бысть оттоле тишина великая на 40 лет». Очевидно, что оба текста принадлежали одному и тому же сводчику, писавшему уже после окончания «сорокалетней тишины» в 1368 г., и что этим сводчиком был не великокняжеский летописец (которому было бы едва ли удобно сравнивать поход Федорчука, в котором участвовал сам Иван Калита, с походом Ольгерда на Москву), а скорее митрополичий.³⁹ Чем же отличается в данном случае текст Ник от текста Тр? Ник приводит оба упомянутых известия — о «великой тишине», наступившей в 6836 г. «на 40 лет», и сравнение похода Ольгерда с походом Федорчука под 6876 г. Последнее известие лишь несколько отяжелено разъяснениями: «А прежде сего таково зло не бывало Москве от Литвы, аще и от татар много зла бывало, но от Литвы едино се зло сотворися, и то окаанно и всегубительно. От Федорчуковы рати до Олгердовы лет 41».⁴⁰ «Автор этого текста словно бы еще не знает о последующих литовских походах, что заставляет подозревать здесь современную событиям запись, оставшуюся забытой при позднейшем редактировании свода. Иначе говоря, мы выходим на московское летописание второй половины XIV в. . .», — заявляет по поводу приведенной цитаты из Ник В. А. Плугин (с. 77). Это предположение («словно бы...») вовсе не вытекает из текста. Составитель Ник так же не склонен в данном случае говорить о последующих литовских походах, как и автор Тр: он говорит о «зле», которое «прежде. . . бывало Москве», и именно рассматривая истекший период, летописец объявляет «се зло» от Литвы единственным. Подозревать в этих словах «современную события запись, оставшуюся забытой при позднейшем редактировании свода», нет оснований.

Еще менее убедительной представляется попытка обнаружить черты «Летописца великого русского» в рассказе Ник о нашествии Тохтамыша. Рассказ этот имеет в летописании историю, аналогичную истории двух других рассказов о Дмитрии Донском — Повести о Куликовской битве и

дущих веков, но материалы эти вовсе не должны были быть летописными — ведь Ник составлялась при дворе Даниила, где несомненно сохранялись документы митрополичьей кафедры.

³⁸ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 388.

³⁹ М. Д. Приселков. История русского летописания. . ., с. 136—138.

⁴⁰ ПСРЛ, т. X, с. 196; т. XI, с. 11. В примеч. 13 на с. 77 В. А. Плугин обратил внимание на то, что, реконструируя текст Тр за 6876 г., М. Д. Приселков (в своей книге «Троицкая летопись») добавил к цитате из Карамзина после слова «зло» слово «Москве», взяв его из Сим (и Рогожского летописца); во Владимирском летописце (которого М. Д. Приселков не знал) в соответствующем месте слова «Москве» нет. Это наблюдение В. А. Плугина интересно и заслуживает внимания. В основе Рогожского летописца и Сим лежала тверская редакция (1412 г.) Московского летописного свода конца XIV или начала XV в. (Тр); дополнить текст уточнением «зло Москве» было вполне естественно для тверского редактора (помнившего вдобавок, что разорение 1328 г. касалось Твери, а не Москвы). Но интересное наблюдение В. А. Плугина как раз противоречит его выводу: в Ник слово «Москве» есть, и, следовательно, текст ее надо возводить не к первоначальному тексту летописания XIV в., а к обычному источнику Ник — Симеоновской летописи. Вопреки В. А. Плугину (с. 77, примеч. 12) в Ник здесь читаются слова о Витовте — «тогда бо еще млад и неславен» (XI, 10), свидетельствующие о том, что в основе Ник лежит рассказ, составленный уже после того, как Витовт стал взрослым и «славным» князем.

Слову о житии Дмитрия. М. А. Салмина, убедительно показавшая первичность кратких известий о Куликовской битве и смерти Дмитрия Донского в Тр (Сим) и вторичность пространных повествований на эту тему, появившихся в «Своде 1448 г.» (НІУЛ и СІЛ) и в последующем летописании, установила, что история повести о Тохтамыше была сходной — в основе ее лежал краткий рассказ Тр, распространенный в «Своде 1448 г.»; дальнейшие версии (Московский свод 1479 г., Ерм) основывались на рассказе «Свода 1448 г.». Статья М. А. Салминой была опубликована в 1979 г.; мы можем поэтому не разбирать этого вопроса подробно, отослав читателя к работе М. А. Салминой.⁴¹

В данном случае нас занимает один вопрос: о соотношении рассказов о Тохтамыше в Тр и Ник. К сожалению, конкретно о Ник В. А. Плугин почти ничего не говорит, объединяя ее вместе с Ерм, СІЛ—НІУЛ и Московским сводом в число летописей, которые «исторически вернее передают существо происходящих событий» 1382 г., между тем как рассказ Тр «не соответствует действительности», «нереален», и в нем «вряд ли есть и сотая доля правды». «Несоответствие действительности» и, следовательно, вторичное происхождение рассказа Тр В. А. Плугин доказывает, ссылаясь на слова этой летописи, будто Дмитрий Донской, услышав о нашествии Тохтамыша, «не ста на бой, ни противу его поднял руки, противу царя Тохтамышя. . .». Напротив, в пространной версии защитники города обороняются с надеждой на успех: «. . . не устрашаемся поганых татар нахождения, селик тверд град имуще», и это доказывает первоначальность пространной редакции рассказа о Тохтамыше, отразившейся, в частности, в Ник (с. 83—84).

Мы уже отмечали опасность такого рода установления «исторической правды» а priori — так, как будто факты истории известны нам не из источников, а помимо их. Кроме того, в данном случае автор явно смешивает первоначальность рассказа с его достоверностью, между тем ранний летописный рассказ, связанный с Киприаном (поссорившимся с Дмитрием и изгнанным именно из-за своего поведения во время нашествия Тохтамыша), вовсе не должен был быть объективным и достоверным. Но наиболее неубедительна в данном случае ссылка на Ник, в которой В. А. Плугин ищет отражения «Летописца великого русского». Ник (следовавшая здесь за Сим) как раз сохранила в рассказе о Тохтамыше слова (о Дмитрие): «. . . не ста на бой противу царя, не поднял противу его руки, и в ней обнаруживается то же противоречие, которое В. А. Плугин усматривает в Тр: вначале Дмитрий не решается стать «противу царя», а потом Тохтамыш, узнав, что Дмитрий собрал войска в Костроме, а Владимир Андреевич на Волоке, «поблюдается» и отходит от уже разоренной Москвы. Слова же москвичей о том, что они «не устрашаются» татар, даны в Ник, как и в «Своде 1448 г.» и в последующих летописях, с осуждением, как бахвальство людей, которые «упивахуся до пиана и шетающесе пьяни».⁴² Таким образом, видеть в этих текстах Ник отражение рассказа «Летописца великого русского», предшествующего рассказу Тр, у нас нет никаких оснований.

В доказательство существования свода 1418—1423 гг., «Полихрона Фотия», В. А. Плугин приводит два свидетельства Ник — рассказ 6919 г.

⁴¹ М. А. Салмина. Повесть о нашествии Тохтамыша. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 143—151. К аналогичному выводу пришел и В. П. Гребенюк (Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV в. — В кн.: Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980, с. 54—62), не принявший, к сожалению, во внимание исследование М. А. Салминой.

⁴² ПСРЛ, т. XI, с. 72, 73, 77 (левая колонка; в правой колонке — известия более позднего Лицевого свода).

о нападении Талыча на Владимир и сообщение 6922 (1414) г. о попытке оклеветать митрополита Фотия (с. 89—90). Рассказ 6919 г. в Ник мало оригинален: он воспроизводит рассказ (за 6918 г. — дата Ник ошибочна) одного из ее основных источников — Симеоновской летописи (в свою очередь отражающей в этой части московское великокняжеское летописание второй половины XV в.).⁴³ Отличие Ник заключается лишь в попытках связать этот рассказ с обширным повествованием о митрополите Фотии, которое вставлено в Ник (переменяясь с известиями ее основных источников — Сим и НВЛ) начиная с 6918 (1410) г. и до 6939 (1430) г.⁴⁴ Вставной характер известий о Фотии под 6919 г. (как и под другими годами) легко обнаруживается из сравнения этой годовой статьи в Сим и Ник. В Сим, как и во всех летописях второй половины XV—начала XVI в., рассказ «О пленении Володимеря» вполне последователен. Он начинается словами: «Того же лета князь Данило Борисовичь Нижнего Новгорода приведе к себе царевича Талычу и посла с ним изгоном к Володимерю; далее говорится о неподготовленности города к нападению: «...людем в полдень спящем, а града тогда не было, а наместника Юрья Васильевича Щоки не было ж в граде. Они же, окаяннии, и первое за Клязмою стадо градское взяша. . .». В Ник рассказ начинается с упоминания о Фотии: «Того же лета пресвященный Фотий. . . поиде с Москвы в Володимерь, и тамо ему пребывшу неколико дний и не слышавшу ничто же. . ., понеже время бысть тогда тихо и мирно», — и к этой фразе присоединяется сходный с Сим текст о нападении нижегородского князя и татар: «И се князь Данило Борисовичь Нижняго Новгорода, укрьвся тайно от всех, приведе к себе царевича Талыча и посла к ним. . .». После упоминания об отсутствии наместника Щеки в городе Ник возвращается к Фотию и его благополучному отбытию из Владимира в «волость в Сенег» и далее снова повторяет начало рассказа о нападении Талыча, но уже как сообщение, полученное Фотием: «. . .се прииде ратью в Володимерь царевичь Талычь. . .». После сообщения о Фотии в Ник продолжается прерванный рассказ Сим: «. . .и стадо градское взяша и посады взяша. . .». Весь дальнейший рассказ Ник о нашествиях соответствует рассказу Сим с минимальными добавлениями (в Ник указано в отличие от других летописей, что ключарь Патрикий, замученный захватчиками в Успенском соборе, был «родом гречин, иже прииде с Фотеем из грек. . .»); закончив этот рассказ, Ник опять возвращается к Фотию. Искусственный характер получившегося «монтажа» различных источников очевиден; никаких черт первичности текст Ник не имеет. «Разве не современник рассказал о нападении на Владимир 3 июля 1410 г. . .?», — спрашивает В. А. Плугин и ссылается на упомянутое выше сообщение о всеобщем полуденном сне в городе и на слова из рассказа: «Глаголаху же, иже тогда в пленении том бывшем и потом избежаша» (с. 89). Но известие о том, что все в городе спали, и ссылка на показания пленных — не специфические известия Ник: они читаются в Сим и других летописях (Ник добавила только слова «и потом избежаша» — простое разъяснение ссылки на рассказы пленных).

Дополнения из внелетописных памятников вообще характерны для Ник — свода митрополита Даниила. Здесь, как мы уже указывали, были помещены житийные рассказы и о других московских митрополитах — Петре и Алексее. Рассказы Ник о Фотии имеют характер таких же житийных вставок. Таков, в частности, рассказ 6922 г. о попытке оклеветать

⁴³ ПСРЛ, т. XI, с. 215—216; т. XVIII. СПб., 1913, с. 160. Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 129, 137—138.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XI, годы: 6918 (с. 212—214), 6919 (с. 215—217), 6921 (с. 219), 6922 (с. 223—225), 6924 (с. 226—230), 6927 (с. 235); т. XII, г. 6939 (с. 10—15).

Фотия — с подобающим житию упоминанием об огне, чудесно испечелившем одного из клеветников («того же лета погоре град Москва, и на Саву Авраимиева, иже от оных клеветников, еже клеветаша на Фотея митрополита, огонь, яко облак, преклонися от горницы Фотеевы и снеде его жива»), и раскаянии другого.⁴⁵

Вопрос о времени и обстоятельствах создания житийного рассказа о Фотии, который помещен в Ник, требует специального исследования.⁴⁶ Но никак нельзя возводить этот рассказ Ник к «Полихрону Фотия» 1418—1423 гг., хотя бы уже потому, что в самой летописи он выходит далеко за рамки этих лет, продолжаясь (при совершенно однотипном характере повествования) до 1430 г. — времени смерти Фотия.

Приведенные известия, таким образом, не могут рассматриваться как свидетельства отражения в Ник летописных сводов конца XIV—начала XV в. — «Летописца великого русского» и «Полихрона Фотия». Но существуют ли более надежные пути извлечения из Ник фрагментов более раннего летописания? Ведь Ник, как мы уже отмечали, действительно включила в свой огромный фонд известия более ранних сводов. Как же обнаружить такие известия?

Непременным условием определения источников Ник (как и любого другого летописного свода) является комплексность ее изучения: речь идет как о необходимости предварительного исследования летописи в целом, так и об учете всей связанной с нею летописной традиции. Говоря об известиях Ник о древнейших веках русской истории, Л. В. Черепнин справедливо указывал, что «пока не будет проведено текстологическое изучение Никоновской летописи в связи с предшествующим ей летописанием, мы не можем сказать, какого происхождения — раннекиевского или позднемосковского — эти известия.⁴⁷ Свод, привлекаемый к исследованию, должен быть подвергнут операции, которую можно определить как «расписывание» всего его текста по параллельным летописным источникам. Обращаясь к томам ПСРЛ, бывшим в свое время в распоряжении А. А. Шахматова, мы обнаруживаем, что поля их покрыты карандашными пометами: это указания на сходные тексты других летописей.⁴⁸ Так же «расписывали» изучаемые ими летописные памятники М. Д. Приселков и А. Н. Насонов. Автору настоящей статьи при исследовании общерусского летописания XIV—XV вв. пришлось предварительно «расписать» изучаемые своды — и не только такие летописи XV в., как Тр (реконструкцию М. Д. Приселкова), СЛ, НЛ, Ерм и др., но и летописи XVI в., привлеченные для восстановления более ранних сводов, — Сим, Владимирский летописец, Тверской сборник, Типографскую, СЛ и многие

⁴⁵ ПСРЛ, т. XI, с. 224. В. А. Плугин указывает, что о современности записей Ник о Фотии 6922 г. говорит помещенное в ней сообщение о солнечном затмении в пятницу 7 июня. Он отмечает, что датировка этого затмения ошибочна, так как затмение имело место в 6923 г., но прибавляет, что «вывода о современности записи это не колеблет» (с. 90, примеч. 51). Но известие о затмении 7 июня в пятницу взято в Ник из Сим, где как раз год дан правильно — 6923 (ПСРЛ, т. XVIII, с. 162; то же известие 6923 г. без дня недели в СЛ, НЛ, Никаноровской и других летописях XV в.). Таким образом, это известие свидетельствует как раз не о современности, а о вторичности записи о Фотии в Ник.

⁴⁶ Специально Фотию посвящено «Сказание о Фотеи. . .» в составе Степенной книги, где даны подряд все известия о нем из Ник (в сочетании с известиями о нашествии Талыча и др.); выше читается и ссылка на «житие Фотия митрополита» (ПСРЛ, т. XXI, 2-я половина. СПб., 1913, с. 453, 475—488). Но Степенная книга — памятник более поздний, чем Ник, и испытывавший ее влияние.

⁴⁷ Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах, с. 58.

⁴⁸ Ср., например, экземпляр ПСРЛ, т. V (Софийская Л) в библиотеке Рукописного отдела БАН, № 13925/13926 с пометами А. А. Шахматова.

другие летописи.⁴⁹ Такого же «расписывания» требуют и все остальные летописи XVI в.; по отношению к Ник эта работа в настоящее время выполнена Б. М. Клоссом.⁵⁰

Сплошное «расписывание» текста летописи дает возможность наглядно представить, какие его части совпадают с ранними сводами — полностью или с отличиями — и какие представляют собой «белые пятна» — восходят к неизвестным источникам или к творчеству самого летописца. Для определения происхождения «белых пятен» необходимо учитывать их расположение в летописи и характер. Если мы предполагаем, что поздняя летопись использовала какой-то ранний источник, то источник этот, очевидно, должен быть связан с определенным временем и местом. В Ник, например, заимствования из тверского источника обнаруживаются в разделе за XIV в. (ибо источник этот был сводом конца XIV—начала XV в.) и имеют специфически тверской характер. В тех же случаях, когда уникальные известия, имеющие сходное содержание и тенденции, оказываются разбросанными по всему своду в целом — от древнейших времен до XVI в. (подобные примеры мы также уже встречали в тексте Ник), приходится предполагать их авторское или редакторское происхождение, связанное с задачами сводчика-публициста.

Исследователями летописания не только «расписаны» многие летописные тексты. Трудami А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова и других ученых накоплен огромный материал, свидетельствующий о взаимных отношениях между известными нам летописными сводами. Определения гипотетических сводов, данные этими учеными, могут оспариваться, но самые соотношения сводов, установленные ими (скажем, зависимость от общих источников ПВЛ и начальной части НЛ, Лаврентьевской и Тр, СЛ и НЛ), являются реальными и важными фактами. Значение этой работы иногда недооценивается историками, пишущими о летописании. В своей статье В. А. Плугин выразил, например, удивление по поводу того, что автор этих строк, выясняя происхождение летописных известий о Тохтамыше в Ерм, основывался «на соображениях о генеалогии сводов». В Ерм говорится, что во время нашествия Тохтамыша кремлевские стены были еще низкими («граду тому ниску сущу»); это едва ли не единственное добавление Ерм к рассказу о Тохтамыше, в остальном представляющему сокращенную версию рассказа, читающе-

⁴⁹ В связи с этим я не могу принять упреки В. А. Плугина, что высказанная во введении мысль о необходимости привлечения летописей XV—XVI вв. для изучения летописания XIV в. «не была реализована в монографии» (с. 90, примеч. 52).

⁵⁰ Б. М. К л о с с. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. Совершенно аналогичная задача стоит и перед исследователем, стремящимся привлечь в качестве источника «татищевские известия», т. е. сведения из «Истории Российской» В. Н. Татищева, неизвестные нам по другим источникам. В поисках фрагментов летописания XIV в. В. А. Плугин постоянно обращается наряду с Ник к «татищевским известиям» (с. 77, примеч. 12, с. 80—81, 84—85, 89—90). Но сложность использования «татищевских известий» признал в последнее время даже такой обличитель «скептицизма», как А. Г. Кузьмин. «В каждой погодной статье у историка соединяются и древние и поздние тексты, а также, возможно, собственные редакционные пояснения или сведения „снискательные о истории“ людей. Трудность их размежевания побуждает воздерживаться от широкого использования „татищевских известий“. . .», — пишет он, повторяя с минимальными отличиями взгляды авторов, которых двумя страницами выше он обвинял в «формально-текстологическом подходе» (А. Г. К у з ь м и н. Начальные этапы древнерусского летописания, с. 130—131; ср. с. 127—129). Для того чтобы поставить вопрос о «татищевских известиях» на научную почву, нужно «расписать» весь текст Татищева по источникам, которые названы самим историком и определены лишь частично, главным образом трудами С. Л. Пештича (С. Л. П е ш т и ч. Русская историография XVIII в., ч. I. Л., 1961, с. 251—260); после такого «расписывания» можно будет проанализировать характер уникальных известий Татищева — в 1-й и 2-й редакциях «Истории».

гося в Московском своде 1479 г.; в свою очередь рассказ Московского свода и Ерм восходит к рассказу СІЛ—НІVЛ («Свода 1448 г.»), где упоминания о недостаточной высоте стен в 1382 г. нет. Это обстоятельство и побудило меня прийти к заключению о вторичности слов о низких стенах в Ерм и связать слова летописи с перестройкой кремлевских стен в последней трети века, когда составлялась летопись.⁵¹ В. А. Плугину такая опора на летописную генеалогию показалась странной: «...зачем же вообще анализировать Повесть, если сложившиеся взгляды на соотношение летописных сводов уже определяют нашу интерпретацию сообщаемых в ней фактов?» (с. 82). Но «сложившиеся взгляды» в данном случае не являются некоей общей концепцией, намечающей ход развития истории и дающей основания догадываться, как и какие события *могли* происходить. Речь идет совсем об ином. А. Н. Насонов привел множество примеров того, что Ерм содержит тот же специфический текст, что и Московский свод, но с сокращениями.⁵² Сотнями примеров можно подтвердить и зависимость сходного текста Московского свода и Ерм от «Свода 1448 г.». Единичное наблюдение противоречит этому множеству наблюдений. Значит ли это, что такое единичное наблюдение можно игнорировать? Ни в коем случае: если бы соответствующий пример был «необратимым», если бы данное добавление Ерм бесспорно свидетельствовало об использовании ею особого, независимого, источника, то установленную уже летописную генеалогию надо было бы пересмотреть или, во всяком случае, дополнить. Но для того чтобы сказать, что Кремль в 1382 г. был еще относительно «низким», не нужно было сто лет спустя специально обращаться к особому летописному источнику. Учтем, что В. Д. Ермолин, строительную деятельность которого увековечивает Ерм, сам принимал участие в «поновлении» кремлевской «городной стены».⁵³ Из двух возможностей — извлечение данного дополнения из древнего свода или написание его летописцем Ермолина по смыслу и по памяти — исследователь вправе поэтому признать более вероятной вторую.

Мы опять, таким образом, возвращаемся к поставленной в начале этой статьи проблеме — о возможности и необходимости при исследовании летописей. Обильные наблюдения над соотношениями между летописными текстами, накопившиеся в нашей науке,⁵⁴ служат основой для построения гипотез о летописных сводах XI—XVI вв. и их генеалогии. Предложенные

⁵¹ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 128. См.: Я. С. Л у р ь е. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 176, примеч. 27; ср.: В. П. Г р е б е н ю к. Борьба с ордынскими завоевателями. . . , с. 60.

⁵² А. Н. Н а с о н о в. История русского летописания. . . , с. 263—268.

⁵³ ПСРЛ, т. XXIII, с. 157.

⁵⁴ Весьма сложной представляется, однако, задача фиксации этих наблюдений и их наиболее наглядного сообщения читателям. А. А. Шахматов, не стесненный обычно объемом своих научных публикаций, приводил чаще всего материал сравнения исследуемых летописей в тексте статей с обширными цитатами. Но даже такой наиболее развернутый способ не устранял возникших трудностей: читать такие страницы сравнений очень трудно; для того чтобы понять и оценить соотношение между текстами, нужно все-таки иметь перед собой сравниваемые памятники. Кроме того, опубликовать все сделанные им сопоставления А. А. Шахматов так и не успел: часть из них осталась в рукописях (например, сравнения текста ПВЛ в большинстве летописей XV—XVI вв. — в рукописи глав VI—XXVI «Обозрения русских летописных сводов») или на полях изданий. А. Н. Насонов также предпочитал давать сравнения в тексте, но иногда был вынужден ограничиваться лишь частью примеров (ср., например: А. Н. Н а с о н о в. История русского летописания. . . , с. 206—267, 288). В работах, вышедших за последние годы, в частности в моей книге, материал сравнений перенесен в подстрочный аппарат и дан в виде ссылок на сравниваемые годовые статьи (даты от С. М.) с указанием в необходимых случаях содержания и границ сравниваемых фрагментов; читатель, которого интересует обоснование выводов, сделанных в исследовании, может их в каждом случае проверить, обратившись к соответствующим тек-

схемы могут быть изменены и в ряде случаев даже требуют изменений. Но построение новых схем должно быть основано на реальном материале летописных источников — гипотеза имеет право на существование лишь в том случае, если она необходима. Предположения же о том, какие своды и когда именно *могли* возникать, в лучшем случае служат дополнениями к гипотезам (скажем, при определении или датировке гипотетических протографов реально дошедших летописей). Вопрос: «Почему бы и нет?» сам по себе не имеет доказательного значения; возможность не есть еще научная необходимость.

стам. Несовершенство всех этих методов передачи материалов исследования очевидно, но предложить более совершенный метод пока трудно. Наиболее плодотворны были бы указания на параллельные тексты более ранних сводов в будущих научных изданиях самих летописных памятников — так, как это издавна делается в библейских изданиях.